

Исследовательские дискурсы: поколения

DOI: 10.19181/inter.2024.16.2.1

EDN: AATYIC

Забывтое поколение X. Ретроспективный взгляд из будущего¹

Ссылка для цитирования:

Омельченко Е. Л. Забытое поколение X. Ретроспективный взгляд из будущего // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2024. Т. 16. № 2. С. 10–28. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.2.1> EDN: AATYIC

For citation:

Omelchenko E. L. (2024) Forgotten Generation X. A Retrospective Look from the Future. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 16. No. 2. P. 10–28. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.2.1>

Омельченко Елена Леонидовна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург,
Россия

E-mail: eomelchenko@hse.ru

Разговор о поколениях обычно сводится к людям, молодость которых совпадает с «настоящим» временем. С нарастающим интересом обсуждаются проблемы и запросы тех молодых, которые демонстрируют видимые отличия от предыдущих поколений и вызывают у взрослых тревоги или надежды. Поколение X — это из прошлого, молодость российских «иксов» падает на конец XX, начало XXI века, если ориентироваться на принятую поколенческую хронологию. Актуальность разговора о поколении X можно связать с набирающей популярность дискуссией о «девяностых», о героях и антигероях времени перемен, ожиданий и разочарований. Последние 10–15 лет главными героями поколенческой драмы остаются миллениалы и «зумеры», внимание медиа, вслед за маркетологами, начинает поворачиваться к поколению «альфа». Поколение X затеряно между беби-бумерами и миллениалами и почти забыто. В фокусе статьи — конец прошлого и начало XXI века, постсоветские/

¹ В статье использованы материалы исследований, осуществлённых в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

российские «иксы», молодежь, рожденная в 1960-х — 1980-х годах. Обращение к материалам исследований и проектов того времени позволяет сфокусироваться на характеристиках молодежи, которой было тогда «двадцать с чем-то». Взгляд в прошлое с дистанции в 30 лет поможет увидеть то, что могло выпасть из поля зрения, и обнаружить в настоящем следы культурной активности той молодежи. В статье внимание обращено на особенности молодости «иксов», на символические и реальные битвы на культурных молодежных сценах того времени, на принятие или сопротивление дискурсивному конструированию молодежной идентичности в политическом, медийном и академическом поле. Для более тонкого сегментирования особенностей противостояний на молодежных культурных сценах того времени выделяются «ранние иксы» — молодежь 1990-х годов, «средние иксы» — молодежь начала XXI века и «поздние иксы», молодость которых пришлось на переход от первого ко второму десятилетию XXI века. Для фиксации этих различий используются отсылки к исследовательским проектам, реализованным в те годы, а также к публикациям, посвященным их результатам.

Ключевые слова: российская молодежь; поколение X; культурные молодежные сцены и солидарности

Введение

On the floors of Tokyo
Or down in London town to go, go
With a record selection and a mirror's reflection
I'm dancing with myself²

С культурно-исторической точки зрения поколенческая модель должна соотноситься не столько с демографической группой, сколько со временем, на которое приходится взросление молодежи. Так, Юрий Левада подчеркивает, что «для социологического анализа важнее исследовать не демографическое поколение, людей одного возраста в некий период времени, а определенные значимые группы, которые задают нормы взаимодействия и присваивают им культурные значения» [Левада, 2005: 40–41]. При этом анализ ключевых черт поколений и главных «героев» вольно или невольно принято соотносить с определенной хронологией. Годами рождения «поколения X» в задокументированной, хотя и часто критикуемой, хронологии приняты 1960-е — конец 1980-х годов³. Годами рождения

² Billy Idol — британский и американский рок-музыкант, фронтмен панк группы «Generation X». Песня «Dancing with myself» написана в 1979 году под впечатлением от танцующей молодой толпы на тойкойской дискотеке: все танцуют со своим отражением в зеркальных стенах, а не друг с другом.

³ Поколенческие хронологии могут значительно различаться. Подвижная природа российских «иксов», связанная с особыми историческими и глобальными сломами, выпавшими на период их взросления, находит отражение и в подвижности их хронологии. Годы рождения поколения X могут сдвигаться исследователями как в «поздних» беби-бумеров (начало 1960-х годов), так и в ранних миллениалов — первое и даже второе десятилетие XXI века [Henseler, 2013].

их предшественников — беби-бумеров — считают период с середины 1940-х по середину 1960-х годов, «поколения Y» (миллениалов) — с начала 1990-х годов по первое десятилетие XXI века.

Беби-бумеров считают самым длинным и самым массовым послевоенным поколением XX века. В границах их периода расположилось несколько когорт; повышение, а затем резкое падение уровня жизни которых приводит, по мнению ряда западных исследователей, к усилению межпоколенческого и внутривпоколенческого конфликтов в дальнейшем [Roberts, 2012].

Как следствие, «время» последующих за беби-бумерами поколений становится короче и приписываемые им характеристики перекрывают друг друга. Рамки поколения X определяются крайне широко, внутри него можно обнаружить несколько различающихся страт: ранние, зрелые и поздние «иксы» (иногда их рамки раздвигают до так называемого поколения «икс-икс» или ранних «игреков»). В статье будут описаны некоторые контуры различий этих трех страт, однако основной фокус будет обращен не к возрастной хронологии, а к культурным героям (актерам) молодежных сцен, образам и метафорам, культурным кодам того времени, которые признаются и присваиваются молодежью следующих за «иксами» поколений.

Имя «поколение X» состоит из двух противоположных переменных, затрудняющих поиск адекватных отсылок. «Поколение» закрепляет в конкретном времени группу людей, родившихся в течение примерно двадцати лет. «X» подчеркивает неопределенность, отсутствие, пустоту. С ярлыком «X» зарождается традиция называть следующие за ним поколения буквами «Y» и «Z», не соотнося эти названия с содержательными характеристиками молодежных групп в меняющихся социальных контекстах.

О поколении X, выросшем в тени беби-бумеров и достигшем совершеннолетия до массового поколения миллениалов, как правило, забывают. Однако культурный след этого поколения заметен по ярким метафорам, в которых закрепились юношеское отчуждение, недовольство и цинизм той эпохи, что нашло отражение в общем рефрене того времени: «Whatever/Nevermind». В западном контексте «классический» портрет поколения конструируется через ряд повторяющихся образов-отсылок: самое малочисленное поколение, «средний ребенок». Это дети, которые росли в неполных семьях или семьях, где оба родителя напряженно работали, — «дети с ключом на шее». Они круглосуточно смотрели MTV, слушали гранж-группы, такие как Nirvana, носили фланелевые рубашки, занимались шопингом и играли в видеоигры, такие как «Тетрис» и «и «Донки Конг»⁴.

В российском академическом и популярном поле след поколения X не столь заметен, особенно в отношении его культурных героев. После перевода на русский язык знаменитой работы Дугласа Коупленда «Поколение X: Сказки для ускоренной культуры» [Коупленд, 2017] такое же «поименование» поколения стало популярным и в России⁵. В журнале «Общественное мнение»,

⁴ Whatever, Nevermind: Gen X years, stats, work, spending trends. Канал Youtube: The Future of Commerce. URL: https://www.youtube.com/watch?v=OM1_iDsNQWY (дата обращения: 13.05.24).

⁵ Книга Дугласа Коупленда была переведена на 22 языка и продана более чем в 30 странах. Это, по сути, мощная социологическая картина поколения X от первого лица. Эндрю, герой книги,

проводившем в середине 1990-х годов открытую либеральную культурную политику, публикуется серия статей, посвященных этому сюжету. Российские исследователи обращаются к теории поколений⁶, начинают циркулировать версии поколенческой хронологии с именами, полностью соответствующими принятой в США терминологии. Однако использование в качестве базы западной версии поколенческого отсчета вызывало и продолжает вызывать критику российских исследователей. Критические сопоставления характеристик и хронологического отсчета поколения X, отчасти и Y, с теми, которые приняты в западной литературе, появляются только к концу первого десятилетия XXI века. Это связывалось с особым историческим путем постсоветской России [Семенова, 2009; Омельченко, 2011]. Молодежь 1980–1990-х годов, пережившая двойной период распада общества, лишь частично могла сравниваться со своими западными сверстниками. Детство и юность ранних «иксов» пришлось на позднесоветский период, они успели побыть пионерами и комсомольцами, поступить в университет на самом пике социального коллапса, а получать высшее образование — уже в другой стране.

Предлагаемый здесь ретроспективный анализ особенностей культурных молодежных пространств и практик постсоветских/российских «иксов» опирается на исследования конца прошлого — начала XXI века, реализованные коллективами НИЦ «Регион» (УлГУ) и ЦМИ (НИУ ВШЭ). В этих проектах основное внимание уделялось меняющимся культурным формам молодежной социальности, новым измерениям и главным изменениям групповых молодежных идентичностей и практик того времени. В статье выбор оптики связан с пониманием групповых идентичностей молодежи поколения X как особых суб- и контркультурных сообществ, что объясняется исследовательским опытом автора, а также имеющимся исследовательским материалом. В каждом из выбранных периодов внимание будет обращено к тем, кому на момент цитируемых исследований было «двадцать с чем-то». Рожденные в период от 1960-х до конца 1990-х / начала XXI века выросли волнами, не равномерно и не синхронно. «Двадцать с чем-то» ранним «иксам» было в перестроечный период, зрелым «иксам» — в последнем десятилетии XX века, поздним «иксам» — в первом — начале второго десятилетия XXI века. Конструкция «поколения X» используется исключительно в качестве символической отсылки, образа, с учетом критики упрощенного взгляда на молодежь как некую определяемую общность в целом. Поколение X, как и другие, «не говорит единым голосом, состоит из множества личностей и иногда узнаваемых типов, по которым можно отнести людей к некоему, не всегда четко определяемому общему» [Henseler, 2013: 8].

объясняет, что в японских газетах поколение двадцатилетних, застрявших в бессмысленной и бесперспективной офисной работе, называли синдзинруи, или новыми людьми, такие же есть, по его словам, и в Соединенных Штатах, «но у них нет имени — это поколение X, намеренно скрывающее себя» [Henseler, 2013: 12].

⁶ Знаменитый проект эстонского социолога Микка Титмы «Пути поколения» («Включение молодежи в рабочий класс, колхозное крестьянство и интеллигенцию» (1982–1996 гг.)) // ФОМ. URL.: <https://fom.ru/posts/10863> (дата обращения: 14.05.24); Стартует специальный проект «Новое поколение» Фонда «Общественное мнение» (под руководством Ларисы Паутовой). URL: <http://fomgeneration.wordpress.com> (дата обращения: 14.05.24).

Краткое обращение к теории

Выбор логики в этой части статьи определялся поиском теоретических отсылок к поколенческим конструктам, связанным с субкультурными и контр-культурными профилями молодежи.

Интерес ученых к поколенческой теории то возрождался, то утихал, будучи всякий раз связан с особыми историческими этапами. Один из ключевых вопросов академических дискуссий о роли поколений в историческом и социальном времени относится к обсуждению противоречия между преемственностью (наследованием) и развитием (изменениями). Зарождение этой дискуссии можно обнаружить еще в работе Аристотеля «О порождении животных». Описывая способы размножения (половое, бесполое, спонтанное), мыслитель рассуждает о передаче от родителей к детям социальной субстанции, похожей на ген характера, подчеркивая при этом, что только от самцов зависит передача отличающихся (специфических) характеристик [Lesko, Talburt, 2012: 121]. Идея определяющей роли мужчин в наследовании социальных и культурных идей своего времени оказалась живучей. Не только единицы или страты поколений (следуя идеям К. Мангейма), но и поколенческий разрыв (generational gap) будет мыслиться и описываться в патриархальном духе. Так, например, мужской профиль поколения найдет себе место в исследованиях 1960–1980-х годов, посвященных «молодежным субкультурам»⁷. Кроме того, до XX века поколенческая теория развивается преимущественно в рамках философской и исторической мысли с вниманием к значимости контекста социального времени [King, 1972], переживаемого разными поколениями внутри отдельного периода [Jaeger, 1985].

В дальнейшем модель поколения как суммы индивидов начинает критиковаться за пренебрежение к очевидным различиям жизненного опыта представителей разных социальных групп, дополняясь критикой со стороны гендерных исследований. Дискуссии выходят за рамки исторической и философской областей. Идеи Карла Мангейма о равной значимости классовой и поколенческой преемственности закрепляются в понятии «поколенческая страта» как связи исторических и социальных особенностей, как точки отсчета для людей, достигших совершеннолетия в определенном месте и времени. Особое значение для выбранного нами фокуса имеет понятие «поколенческая единица», введенное Мангеймом для описания подгрупп людей, которые разделяют поколенческий контекст, но по-разному его интерпретируют [Pilcher, 1994].

В отличие от немецкой и европейской традиции интерпретации ключевых событий (войн XX века), формирующих поколения, американские ученые фокусируются на других поколенческих приметах. Авторы книги «Одинокая толпа» [Reisman et al., 1950], исследуя представителей среднего класса

---

⁷ Ученые Бирмингемского центра современных культурных исследований (создан в 1964 г.) разработали теорию молодежных субкультур и культурных практик, безусловно, одну из самых значимых теорий XX века. Основным направлением ее критики по отношению к предшествующим теоретическим воззрениям стало переосмысление классовых оснований культурных групповых идентичностей молодежи и гендерной слепоты базовых концептов.

в американских пригородах, обращаются к ценностным изменениям, отраженным в менталитете различных групп и отдельных субкультур. Эти идеи стимулируют развитие «фабрики» массовых опросов по сбору статистических данных. Зарождается новая демография поколений, ориентированная на поиск различий возрастных групп в отношении к религии, в политических взглядах и семейных структурах. Активное использование подхода маркетологами для позиционирования товаров и предложений, ориентированных на поколенческие группы, фактически помогает создавать «поколения».

Возрождение социологического интереса к поколениям связано с контркультурным бумом в середине 1960-х годов. Накопленное в молодежной среде недовольство перерастает в прямые протесты против конкретной государственной политики и практики (против войны во Вьетнаме, призыва в армию, возрастных ограничений на употребление алкоголя, возраста согласия в сексуальных вопросах), формируются две молодежные протестные культуры [Feuer, 1969]. Контркультура «хиппи» сосредоточена на сексуальных и психоделических экспериментах, создании альтернативных семейных структур, вестернизации восточных духовных практик, включая буддизм, йогу и веганскую пищу. Другое крыло протеста — международная молодежная партия «йиппи» — сфокусировало свою активность на политических, а не культурных изменениях. Широкое тиражирование протестных настроений журналистами и поп-социологами конструировало эту картину противоречий ценностных миров как противостояние молодежи и «взрослых», что будет впоследствии описано как «разрыв между поколениями»⁸. Вместе с дискуссиями вокруг разрыва поколений не утихают споры вокруг понятия «поколение». Молодежь как отдельная категория социального конструирования закрепляется и начинает структурироваться по возрасту. Возраст становится стандартной переменной для сбора данных в демографических исследованиях, лингвисты и культурологи начинают изучать язык молодежной культуры, социологи — молодежные субкультуры и стили (особенно это закрепилось в работе Бирмингемского центра культурных исследований), маркетинговые исследования фокусируются на молодежных потребительских стилях и использовании «молодежности» как хорошо продаваемого знака продления молодости.

Джон Ульрих в работе, посвященной генеалогии лейбла «Поколение X», называет его «пробелом, который заполняется позже в ходе формирования личной и коллективной истории»⁹. Отсылая к К. Мангейму, он пишет, что внутри поколения может появляться любое количество «единиц поколения», соотносимых с новыми субкультурами конца XX века [Ulrich, Harris, 2003], подчеркивая разнообразие групповых идентичностей, располагающихся внутри того времени, включая панк- и постпанк-субкультуру, альтернативную

⁸ В 1969 году создается компания GAP, первый магазин Generation Gap открывается в Сан-Франциско рядом с университетом. Именно GAP превратил джинсы из рабочей одежды в модный атрибут. Другим фирменным товаром GAP стали белые хлопковые футболки. Компания стала продвигать свое имя, а вместе с ним — идею поколения и поколенческого разрыва.

⁹ Джон Ульрих, по мнению Кристин Хенселер, «продельывает фантастическую работу, отслеживая историю и особенности «пустоты», ассоциируемой с ярлыком Gen X» [Henseler, 2013: 27]

музыку, а также молодежный мейнстрим, популярную музыку, селебрити и реалити-шоу, героев Интернета¹⁰.

Кардинальные перемены в обществе, демонстрирующие очевидный перелом в поколенческом сознании, нашли отражение в дискуссии о «разрыве поколений» в российском академическом поле. Теодор Шанин, обращаясь к идее Д. Кертцера о связи понятия с бунтом университетской молодежи и другими событиями 1968 года, подчеркивает характер поколенческих конфликтов, соотносимых с изменениями общества в целом, с трансмиссией культурных ценностей и социальной мобильностью [Шанин, 2005: 28]. Поколенческие разрывы и кризисы, характерные для начала нового века, задают направление исследований. Так, Юрий Левада, один из авторов книги «Отцы и дети», подчеркивает, что плавный переход от одного поколения к другому возможен только в традиционных обществах или в рамках одной семьи. Борис Дубин считает поколение формой социальной связи или символической солидарности действующих индивидов, «нормативной рамкой воображаемого соотношения с другими “по горизонтали”, такими же, как “ты”» [Дубин, 2005: 63–64]. Виктория Семенова, включаясь в дискуссии о поколенческих разрывах и конструировании понятия поколения, подчеркивает значимость методологических проблем, встающих перед исследователем при переходе к эмпирическому тестированию поколения. Развивая идеи К. Мангейма об условности границ поколений и важности различения типов, их представляющих (доминирующие, востребованные временем и подчиненные) Виктория Семенова выделяет тех, кто дает название поколению, тех, кто ориентируется на образцы, заданные первой группой, и тех, кто составляет общий контекст времени [Семенова, 2005: 80–81].

Интересный подход к концептуализации постсоветского поколения был реализован при анализе данных проекта, посвященного исследованию роста потребления наркотиков в молодежной среде [Пилкингтон, 2006], с акцентом на взаимодействие дискурсивных имен поколений и нарративов самой молодежи о себе и своей жизни¹¹.

В отличие от Запада, где считалось, что «пассивные» поколения регулярно сменяют «активные» [Edmunds, Turner 2002: 117], в России поколенческая картина к концу XX века выглядела иначе. Последнее советское поколение взрослело в период застоя, но после распада СССР оказалось парадоксальным образом как не готовым к исчезновению того, что ему знакомо, так и замечательно подготовленным к этому слову [Yurchak 2006: 1]. Вместе с тем в официальном дискурсе циркулировали совсем другие представления

¹⁰ Более поздние исследования молодежных культурных практик, как правило, избегают ссылок на ярлыки поколений. Изучение молодежи в мультикультурном масштабе определяет выбор парадигм, допускающих множественность и изменчивость. Начинают развиваться идеи неотрайбов, клубной культуры и культур стилей жизни как отражение прозрачности субкультурных границ и фрагментации устойчивых культурных идентичностей [Muggleton, Weinzierl, 2003].

¹¹ Исследование «Бытовое, но не „нормальное“» было проведено при финансовой поддержке ESRC в 2002–2003 годах. Это совместный проект Бирмингемского и Ульяновского университетов. Руководители Хилари Пилкингтон и Елена Омельченко. Проект проходил в трех российских областях (Самарская область, Краснодарский край, Республика Коми). Методология проекта — интервью, опрос, этнографическое наблюдение [Омельченко, 2005].

о той же молодежи 1980-х — начала 1990-х годов. Она описывалась как морально дезориентированная, экономически и социально маргинализованная и апатичная, как потерянное и невостребованное поколение [Саясова 1990]. Тот же риск деградации фиксировали и другие исследователи, говоря о молодежи как о неспособной к «интеграции» в новые условия жизни, поэтому обреченной на «неудачу и деградацию» [Williams, Chuprov, Zubok, 2003: 160].

Хилари Пилкингтон отходит от прямого обозначения поколения и переходит к анализу молодежного опыта того времени — к так называемой наркотизации молодежи как одному из определяющих опытов постсоветского поколения, что в известной степени можно соотнести с профилем поколения X в западном контексте. Автор пишет, что дискурсивно последнее советское и первое постсоветское поколение позиционируется как поколение «потребителей наркотиков», но на обыденном уровне употребление наркотиков у молодежи было рутинной, обычной практикой, взаимоотношение между поколенческим опытом и поколенческим сознанием выстраивалось проблематично: молодежь не принимала пассивно дискурс «наркотизированности», а активно перерабатывала его в зависимости от пола, региона, возраста и групповых норм, присущих сверстникам [Pilkington, 2013: 392].

Последующий обзор данных и их аналитических интерпретаций, относящихся к проектам, реализованным в конце XX — начале XXI века, дает возможность взглянуть с исторической и временной дистанции на российский вариант поколения X, обозначив ключевых героев молодежных культурных сцен в контексте меняющихся этапов исторического времени. Следуя выбранной терминологии, далее предложим (суб)культурные профили трех поколенческих страт российский «иксов»: ранние — молодежь 1990-х годов, средние — молодежь конца XX века и первого десятилетия XXI века, поздние «иксы» / ранние миллениалы — молодежь переходного времени от первого ко второму десятилетию XXI века.

Молодость ранних «иксов» в контексте (суб)культурного противостояния на молодежных сценах 1990-х годов

Российские «иксы», как и их западные сверстники, считаются детьми беби-бумеров, в отношении культурно-исторического наследия которых молодежь выстраивала свою поколенческую идентичность. Советские беби-бумеры, родившиеся в послевоенный период, были свидетелями так называемой хрущевской оттепели, короткой идеологической и культурной передышки после XX съезда КПСС и разоблачения культа личности И. Сталина, передышки, связанной с надеждой на возможность демократических и либеральных преобразований. Первые советские «стиляги» — российская версия английских «Тедди бойз» — появились одновременно с широкой популярностью западной молодежной музыки и открытием первых танцполов и молодежи. Передышка была недолгой. К середине 1960-х годов стильяги и популярная западная музыка были признаны «врагами» правильной советской

молодежи и комсомола. След от потерпевшей поражение оттепели остался яркий, термин «шестидесятники» прочно вошел в исторические, научные и популярные словари вместе с идеями свободы, справедливости и прав человека [Воронков, 2005].

В этой социально-исторической перспективе дети беби-бумеров (и шестидесятников как отдельного поколенческого слоя) могут быть названы ранними, первыми «иксами». Период ранней социализации этих юношей и девушек проходит в контексте глобального переустройства общества: крах СССР и Восточного блока, видимая демократизация и либерализация общественных отношений, снятие цензуры, информационная атака на советское прошлое, роспуск прокоммунистических молодежных организаций (пионерских и комсомольских), кризис институтов среднего и высшего профессионального образования.

Молодежь этого времени оказывается предоставленной самой себе. Вплоть до середины 1990-х годов не было как таковой молодежной политики или государственных программ, ориентированных на молодежь. Стремительное развитие рыночных отношений приводит к резким катастрофическим изменениям молодежной жизни — коммерциализации образования, росту молодежной безработицы и преступности, детской и подростковой бездомности. Яркой приметой времени становится широкое распространение в спальных районах российских городов (преимущественно Поволжья) молодежных группировок, участники которых явочным порядком начинают заявлять свои права на город, формируя и физически продвигая нормы «правильной» («пацанской») жизни [Стивенсон, 2017; Омельченко, 2011].

«Ранние иксы» в контексте глобальной повестки

В 1990-х годах проводился исследовательский проект, посвященный образу Запада среди российской молодежи, эмпирические и аналитические результаты которого важны для понимания специфики российских «двадцатилетних с чем-то» в контексте глобальной молодежной повестки [Pilkington et al., 2002]. Методология проекта включала в себя проведение глубинных интервью и этнографического наблюдения культурной молодежной жизни от периферии до столицы (Ульяновск, Самара, Москва), что позволило получить достаточно целостную картину «расположения» ключевых молодежных групп относительно их интерпретации и отношения к Западу.

Значимо различались сами контуры Запада — культурные, географические, бытовые. Географически он мог размещаться в представлениях молодежи не только в Северной Америке или Старой Европе, но и в Японии. Запад был далеко, а культурная жизнь и повседневные практики советской молодежи значимо отличались от того, что было характерно для ее западных, в частности американских и британских, сверстников. Существенные различия шли по демаркационной линии: те, кто был более информирован (учился за рубежом или путешествовал), и те, у кого представления формировались

частично по доступным культурным продуктам (кино, музыка), частично вслед за мнением своей группы, по слухам и сплетням. При этом представления о Западе у всех были достаточно размыты, но у первых они были максимально критичны, у вторых — менее критичны. Групповые идентичности всех трех городов формировались вокруг явного или неявного спора между «продвинутой» молодежью («неформалами», «субкультурщиками») и «нормальной», обычной, крайнее крыло которой было представлено «гопниками» (включая группировщиков)¹². Эта исследовательская находка демонстрировала значимую примету того времени — противоборство на молодежных культурных сценах двух молодежных «сил». Между ними шла борьба за улицы и новые молодежные пространства (бары, танцполы/дискотеки, клубы), борьба, которая часто принимала форму открытого противостояния, а точкой отсчета в структуре групповых ценностей выступал образ Запада. «Продвинутые» были открыты новым знаниям, включая западную культуру, хотя более критичны к отдельным сторонам западной жизни (особенно образованию). «Нормальные» были ориентированы на воспроизводство локальных традиций (своей компании, соседства, района, города) и защиту патриархальных ценностей. Фоном культурного противостояния был рост «спонтанного» патриотизма, соединяющего ностальгию и обиду за «доставшуюся» им с рождения страну — где «все не так». В качестве замещения формировался образ «душевной России» — с высоким уровнем культуры, лучшим в мире образованием, открытыми, «человеческими отношениями» в дружеских, приятельских компаниях¹³. Социально-классовая структура этих сообществ была неоднородной. «Продвинутых» в своем большинстве можно условно отнести к нарождавшемуся городскому среднему классу, тогда как среди «нормальной» молодежи, особенно «гопников», было много юношей и девушек с городских окраин или выходцев из семей с низким культурным капиталом, что отчасти и определяло затрудненный доступ к образовательным и культурным ресурсам. Эта борьба привела отчасти к сворачиванию субкультурной активности и «победе» гопников, которые постепенно вытеснили «неформалов» с культурных молодежных сцен.

Средние «иксы», или Поколение R в контексте субкультурного бума и глобального кризиса

Противостояние «продвинутых» субкультурных групп и «нормальной» молодежи находит продолжение в развернувшейся символической борьбе уже внутри молодежных сил. Так, внутри субкультур начинают выделяться фрагменты групповых идентичностей, в которых фиксируется прозрачность границ

¹² Эти понятия были результатом анализа самоидентификаций информантов, участвовавших в исследовании.

¹³ В последующих проектах, посвященных патриотизму, мы обнаружили, что «любовь» к России в начале XXI века к концу первого десятилетия переросла в чувство «гордости» за Россию, связанное со специфическим набором имперских амбиций и достаточно высоким уровнем бытовой ксенофобии [Омельченко, Пилкингтон, 2012].

и популярность «миксовых» идентичностей, клубных культур, не требующих верности и демонстрации «пожизненной» принадлежности определенной субкультуре. В этом находит отражение, с одной стороны, завершающийся субкультурный бум, с другой — наступление постсубкультурной эры, о чем говорилось в ключевых работах западных исследователей того времени [Омельченко, 2006].

Кризис 2008 года стал новым вызовом для молодежи того времени — волна увольнений среди хорошо оплачиваемых групп молодых специалистов, особенно в сфере рекламы, журналистики и IT, снижение средней заработной платы в сфере обслуживания, потеря коммуникативных связей. В ходе интервью с молодежью мы, вслед за западными коллегами, начали использовать новое имя — «поколение (ранние миллениалы, поздние «иксы»)» — поколение рецессии, спада как новое глобальное поколение XXI века. Кризис объединил молодых людей разных стран, предоставив им схожий жизненный опыт, но с различающимися реакциями в каждой стране. В России это усиление коррупции, затруднение доступа к высшему образованию, рост безработицы среди молодежи, хотя и несравнимо меньший, чем в Европе¹⁴. Обсуждаемые в информационном пространстве поколенческие черты обнаруживают некое сходство с портретом западного варианта «иксов»: «пофигизм», а не карьеризм, отказ от следования массовым культурным продуктам и участия в официальной политике, популярность практик дауншифтинга и социальный скептицизм [Омельченко, 2011].

Молодежь того времени порождала у «взрослого» общества страхи и провоцировала моральные паники. В конкурировавших друг с другом дискурсах, отражавших структуру тогдашней власти, был дан старт активному формированию новой молодежной политики (государство берется за молодежь). Дискурс «молодежь как угроза» не только в российском, но и западном академическом поле начала связываться с утратой молодыми экономических средств и шансов на доступ к ключевым ресурсам (рынок труда, образование), что приводило к духовной опустошенности, социальному цинизму, потребительской зависимости и коммерциализации интимной близости, повышению вероятности особых форм насилия (протеста) вместе с отказом от прямого политического участия (отказ от лояльности государству). Эксперты, принявшие участие в интервью, подчеркивали катастрофическое влияние кризиса на будущее, последствия которого будут видимы на протяжении многих лет. В нарративах молодежи, принявшей участие в исследовании, отчетливо проявились антикапиталистические настроения. Антикапиталистический настрой был ответом на социальную несправедливость, отказ от доверия политическим и культурным институтам мог проявляться в росте популярности идей анархизма, левых постпанковских настроений, развитии аутентичного, не массового производства.

Быстрое развитие и совершенствование информационных технологий и каналов коммуникации сопровождается появлением в академическом и медиапространстве новых ярлыков, которые частично осваиваются и самой

¹⁴ Западная статистика фиксирует рост безработицы среди молодежи по всей Европе в среднем на 25% за 2008–2010 годы. В России последствия кризиса 2008 года не столь очевидны, как в 1998 году. Так, уже к марту 2009 года индекс общего состояния общества начал расти.

молодежью: поколение «Текст», «MTV», «Экран», «ИТ», «iPod». Вовлеченность молодых россиян в информационное пространство и интернет-сети достигает 85%, а в крупных городах и столицах — почти 100%, что делает их все более похожими на западных сверстников. Рынок мобильной связи становится одним из самых динамично развивающихся и прибыльных направлений в России. Героями социальных и культурных сетей признаны сообщества «ВКонтакте», повлиявшие на формирование новых типов коммуникации и потребительских практик, занятости и занятий. Анонимность участия в сетевых сообществах сменяется самопрезентациями, фото- и видеосессиями, авторскими дневниками и блогами. Онлайн-пространство превращается в место проявления искренности, доверия и поддержки, гражданского участия, протестов и альтернативных рейтингов. Блогосфера и Twitter начинают опережать официальные СМИ не только по скорости реакции, но по качеству и достоверности информации. Включенность в Интернет способствует формированию горизонтальных сообществ, растет значимость эксклюзивных и уникальных вещей, распространяются практики «отдам даром» и обмена, покупки в секонд-хендах. Начинается эра просьюмеризма и DIY-практик, в чем находит выражение потребительски ориентированный антикапитализм.

Поздние «иксы» в рамках новых интерпретаций социальности: от субкультур — к солидарностям

Для ранних и средних «иксов» более значимым был поиск групповой, субкультурной идентичности, стилистические особенности и культурные симпатии (музыка, кино, литература) в контексте разделения на «продвинутых» и «нормальных». Исследования конца первого — начала второго десятилетия XXI века фиксируют появление новых форм молодежной социальности (временной/событийной, виртуальной). Их отличают новые интерпретации коллективизма и базовых ценностей, цементирующих принадлежность к группе: понимание доверия, социальной справедливости, безопасности и риска, отношение к группам «исключенных» и меньшинствам и вовлеченность в неформальную (гражданскую) активность. В этот период в серии проектов, обращенных к пониманию природы новых групповых социальных связей, внимание исследователей фокусируется на потребительских и культурных предпочтениях, телесном перформансе, межгрупповом взаимодействии в контексте городской жизни¹⁵. Разрабатываемая концепция солидарности помогла проанализировать новые способы непрямого взаимодействия между молодежными группами, принадлежность к которым определялась по разделяемым ценностям в кругу «своих» и оппозиции ценностям в сообществах «чужих».

¹⁵ В 2011 году исследователи Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ продолжают изучать городское пространство в контексте формирования новых молодежных солидарностей. Проект «Молодежная солидарность в локальном и глобальном контекстах: экономика, политика, культура» (в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ).

Концептуальный переход от изучения субкультурных и стилевых групп и их отличий от молодежного большинства к исследованию солидарностей был связан с приметам нового времени. Этот период отмечен формированием буферных культур, в которых сочетались стилистические заимствования как от субкультурных субстанций «продвинутых», так и от ценностей мейнстрима «нормальных»: рейв-культура, эмо, аниме-сообщества, новый городской молодежный поколенческий слой — хипстеры. В отличие от замкнутых субкультурных сообществ, буферные культуры отличались массовостью, чему способствовало коммерческое продвижение брендов. Субкультурные границы стали прозрачными, групповые идентичности — подвижными и могли меняться в ходе субкультурной карьеры индивидов [Omelchenko, Pilkington, 2013; Омельченко, 2014]. Солидарности, как опосредованные мостики коммуникации культурного меньшинства и большинства, «культурные беседы» разных молодежных групп, отражали симпатии и враждебность внутри молодежного пространства. Анализ интенсивности и напряженности принятия и неприятия «других» позволил сделать выводы о ключевых ценностях, вокруг которых разгорались символические битвы. В центре ценностных споров того времени оказались гендерные режимы, права меньшинств, отношение к ксенофобии и мигрантофобии, понимание патриотизма и локальной принадлежности. Если до первого десятилетия XXI века важной была защита субкультурной идентичности и символическая битва за «правильных/настоящих» и «неправильных/ненастоящих» последователей, включая борьбу за ресурсы (суб)культурного капитала, то ко второму десятилетию начинается не менее серьезная битва за подлинность и адекватность в принятии ключевых ценностей: культурные роли утрачиваются или присваиваются через сотрудничество или противостояние с другими, альтернативными группами.

Приметами времени становятся спортизация и эстетизация городских пространств и молодежных практик вместе с ростом популярности здорового образа жизни. Модными оказываются паркур, воркаут, бойцовские клубы, «ночные и дневные дежурства», стритрейсеры, скейтеры, развитие получают игровые формы общения. Для включения в эти сообщества важно соответствовать внутригрупповым контекстуальным значениям «настоящего», «быть в теме», делиться знаниями, разоблачать и преодолевать фальшивки и имитации. Появляются эстетизированные ниши внутри субкультурных фракций, которые могли быть характерны для разных форм группового общения: как для компании молодых интеллектуалов, так и у футбольных болельщиков, празднующих победу своей команды [Omelchenko, 2013: 261–263].

Заключение. Удалось ли найти поколение X?

Проведенный анализ молодежи поколения X (ранних, средних и поздних «иксов») с точки зрения их культурных практик и сообществ демонстрирует разнообразие, а также противоречия приписываемых им маркеров. По результатам исследований фиксировалась значимость борьбы за субкультурную принадлежность одновременно с отказом от субкультурных имен

и включением в мейнстримный молодежный поток; поддержка «обиженного», в меру прагматичного патриотизма, граничащего с гражданской апатией, и при этом «гордость» за принадлежность к России и лояльность к власти.

Символические и реальные битвы между «продвинутыми» и «нормальными» — одна из ключевых характеристик российских «иксов». Это противостояние в определенной степени сохраняется на молодежных культурных сценах до сих пор, разворачиваясь уже внутри множества групповых фрагментов. Имена и телесный перформанс, по которым юноши и девушки узнают «своих», принадлежащих к сообществу, могут меняться, важными и более устойчивыми остаются базовые ценности, вокруг которых цементируется групповая идентичность. В той или иной степени это борьба «советского» прошлого (замкнутого на локальность и патриархальность) и «нового», отчасти прозападного настоящего/будущего (открытого глобальному миру и чувствительного к глобальным трендам).

Сравнение подходов и эмпирических наблюдений исследователей из разных стран показывает, что эксперты сходятся только в том, что поколение X — первое глобальное поколение. Вместе с тем именно это поколение отмечено реальными событиями, которые произошли сугубо в пределах национальных границ, что определило вполне конкретные особенности и различия. Дух поколения X, по мнению Кристины Хенселер, «можно обнаружить между реальными, четко очерченными пространствами и более подвижными глобальными течениями» [Henseler, 2013: 44].

В мировом измерении молодежь, достигшая совершеннолетия к 1990-м годам и около, изменяется под влиянием событий глобальных масштабов: падения Берлинской стены в ноябре 1989 года, распада коммунистического блока, неолиберальной экономической политики, ускоренного развития новых медиатехнологий. Молодые люди поколения «перехода» стали свидетелями символических и реальных преобразований. Политические перемены и напряженность, с которыми они столкнулись, приводили к крушению их надежд на лучшее будущее и разочарованиям, связанными с потерей идеалов, возможностей, образования, занятости, доходов и даже жизни.

Краткий обзор результатов исследовательских проектов конца XX — начала XXI века позволяет ретроспективно различить ряд значимых черт постсоветского поколения, условно отнесенного к «поколению X». Ранние «иксы», молодые люди 1990-х годов, получив образование и повзрослев в советские времена, столкнулись с кардинальными переменами, включая распад Советского Союза, переход к рыночной экономике, изменения ценностного поля. С помощью компьютерных, мобильных и интернет-технологий они научились открываться глобальному миру. Российское общество стремительно дифференцировалось, советские коллективистские и патерналистские ценности и ожидания сосуществовали параллельно с новыми принципами индивидуализма, свободы самовыражения и рыночными отношениями. Для части молодых людей новые времена означали открытие новых путей и возможностей для путешествий, обучения за рубежом, развития карьеры;

для других — резкое снижение уровня жизни. В символической и реальной борьбе «продвинутых» и «нормальных» на культурных молодежных сценах самоопределение в отношении Запада и его ценностей оказалось самым важным для постепенного включения российской молодежи в глобальные культурные потоки. Средние и поздние «иксы» — ранние миллениалы знают о Советском Союзе и жизни в нем преимущественно по музеям, кино и книгам, молодежи поколения Z приходится подробно объяснять, что такое комсомол. Эти поколения столь же гетерогенны, как предыдущие, разные поколенческие слои и единицы демонстрируют сосуществование разных тенденций и новых групповых культурных идентичностей благодаря большей вовлеченности в глобальные молодежные культурные рынки. Выросшие во времена социального расслоения и ценностной дезориентации, они продолжают дистанцироваться от государства и формальной политики, параллельно приобретая базовые навыки гражданского участия. Геополитические изменения последних двух лет, расширение зон международных конфликтов и противоречий делают поколенческий опыт всех трех фракций внутри поколения контекстуально схожим. Сегодня «иксам», молодость и взросление которых пришлось на разные периоды кардинальных постсоветских трансформаций, может быть и 35, и 45, и 55 лет. Очевидно, что их жизненные траектории сложились по-разному, культурный багаж их молодости стал частью их идентичности. Оставим анализ этого фокуса для будущих исследований.

Ретроспективный анализ демонстрирует схожесть поколенческого опыта всех трех страт российского поколения X — ранних, средних и поздних «иксов», что объясняется чередой кардинальных социально-культурных перемен и следующих друг за другом кризисов, менявших общий экономический и политический контекст, в котором проходило взросление юношей и девушек. При этом значимые различия профилей взросления ранних, средних и поздних «иксов», показанные при анализе их культурных диспозиций в рамках молодежных сцен тех лет, затрудняют более широкие обобщения и определения некоего целостного и завершенного портрета поколения X.

Поколение X — не только самое забытое, но и самое подвижное. Как время, приписываемое молодости этих людей, так и люди, относимые к этому поколению, то запаздывают — оказываясь, вместе с бумерами, в 1960-х годах, то забегают вперед, переходя границу «игреков», отвоевывая время и культурное пространство. Обращение к опыту «иксов» позволяет увидеть гетерогенность молодежного пространства того времени, обнаружить в культурном опыте приметы, приписываемые сегодня «игрекам» и «зетам», в очередной раз критически осмыслить границы поколений и метафоричность поколенческих образов. Выбранный фокус вместе с учетом временной дистанции, помог найти следы поколения X в контексте масштабных социальных трансформаций и вернуть молодежи того времени присутствие и субъектность в сегодняшнем настоящем.

Благодарности

Искренне благодарю коллег и друзей НИЦ «Регион» УлГУ и ЦМИ (НИУ ВШЭ) за профессиональную поддержку и человеческое участие в проведении проектов, поддержании солидарного духа в коллективном развитии тем в направлении исследований молодежной субъектности.

Литература/References

Воронков В. М. Проект «шестидесятников»: движение протеста в СССР // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Под ред. Ю. Левады, Т. Шанина. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 168–201.

Voronkov V. M. (2005) Proekt "shestidesyatnikov": dvizhenie protesta v SSSR [The "Sixties" Project: the Protest Movement in the USSR]. In: Yu. Levada, T. Shanin (eds.) *Ottsy i deti: Pokolencheskij analiz sovremennoj Rossii* [Fathers and Children: A Generational Analysis of Contemporary Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. P. 168–201. (In Russ.)

Дубин Б. В. Поколение: смысл и границы понятия // Отцы и дети: поколенческий анализ современной России / Под ред. Ю. Левады, Т. Шанина. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 61–80.

Dubin B. V. (2005) Pokolenie: smysl i granicy ponyatiya [Generation: the Meaning and Boundaries of the Concept]. In: Yu. Levada, T. Shanin (eds.) *Ottsy i deti: pokolencheskij analiz sovremennoj Rossii* [Fathers and Children: A Generational Analysis of Contemporary Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. P. 61–80. (In Russ.)

Коупленд Д. Поколение X: Сказки для ускоренного времени / Пер. с англ В. Ярцева. М.: AST Publisgers, 2017.

Coupland D. (2017) *Pokolenie X: Skazki dlya uskorenного времени* [Generation X: Tales for an Accelerated Culture]. Transl. from Eng. by V. Yarcev. Moscow: AST Publisgers. (In Russ.)

Левада Ю. А. Поколение XX века: возможности исследования // Отцы и дети. Поколенческий анализ современной России / Под ред. Ю. Левады, Т. Шанина. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 39–61. EDN: [HTMNIP](#)

Levada Yu. A. (2005) Pokolenie XX veka: vozmozhnosti issledovaniya [The Generation of the Twentieth Century: Research Opportunities]. In: Yu. Levada, T. Shanin (eds.) *Ottsy i deti: pokolencheskij analiz sovremennoj Rossii* [Fathers and Children: A Generational Analysis of Contemporary Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. P. 39–61. (In Russ.)

Омельченко Е. Л. От субкультур — к солидарностям и назад к субкультурам? Споры о терминах и этнография молодежной социальности // Этнографическое обозрение. 2014. № 1. С. 3–8. DOI: <https://doi.org/10.31857/S50000392-4-1> EDN: [RXTBZJ](#)

Omelchenko E. L. (2014) From Subcultures to Solidarities and Back to Subcultures? Debates on Terms and the Ethnography of Youth Sociality. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. No. 1. P. 3–8. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31857/S50000392-4-1>

Омельченко Е. Л. От сытых нулевых-к молчаливым десятым: поколенческие уроки российской молодежи начала XXI в // Социологический ежегодник. 2011. Т. 2011. С. 243–263. EDN: [PBHQJV](#)

Omelchenko E. L. (2011) From the Fat 2000s to the Silent 2010s: Generational Lessons of the Russian Youth of the Beginning of the 21st Century. *Sociologicheskij ezhegodnik* [Sociological Yearbook]. Vol. 2011. P. 243–263. (In Russ.)

Омельченко Е. Л. Начало молодежной эры или смерть молодежной культуры? «Молодость» в публичном пространстве современности // Журнал исследований социальной политики. 2006. Т. 4. № 2. С. 151–183.

Omelchenko E.L. (2006) The Beginning of Youth Era or the Dearth of Youth Culture? Youth in the Public Space of Modernity. *Zhurnal issledovaniy socialnoj politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 4. No. 2. P. 151–183. (In Russ.)

Пилкингтон Х. Чем больше это обсуждается, тем больше к этому влечет: размышления о дискурсивном порождении поколенческого опыта // Антропологический форум. 2006. № 5. С. 379–407. EDN: [KCKFRZ](#)

Pilkington H. (2006) "The More They Talk about It, the More You Feel Like Doing It". Reflections on the Discursive Production of Generational Experiences. *Antropologicheskij forum* [Forum for Anthropology and Culture]. No. 5. P. 379–407.

Саясова И. К. Невостребованное поколение // Криминологи о неформальных молодежных объединениях / Под ред. И. И. Карпец. М.: Юрид. лит., 1990. С. 56–62.

Sayasova I.K. (1990) Nevostrebovannoe pokolenie [Unclaimed Generation]. In: I.I. Karpec (ed.) *Kriminologi o neformal'nyh molodezhnyh obedingeniyah* [Criminologists About Informal Youth Associations]. Moscow: Yurid. lit. P. 56–62.

Семенова В. В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М.: РОССПЭН, 2009. EDN: [QOKHWP](#)

Semenova V.V. (2009) *Socialnaya dinamika pokolenij: problema i realnost*. [Social Dynamics of Generations: Problem and Reality]. Moscow: ROSSPEN.

Семенова В. В. Современные концепции и эмпирические подходы к понятию «поколение» в социологии // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Под ред. Ю. Левады, Т. Шанина. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 80–107. EDN: [SNPZMV](#)

Semenova V.V. (2005) *Sovremennye koncepcii i empiricheskie podhody k ponyatiyu "pokolenie" v sociologii* [Modern Concepts and Empirical Approaches to the Concept of "Generation" in Sociology]. In: Yu. Levada, T. Shanin (eds.) *Otcy i deti: pokolencheskij analiz sovremennoj Rossii* [Fathers and Children: A Generational Analysis of Contemporary Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. P. 80–107.

Стивенсон С. Жизнь по понятиям. Уличные группировки в России / Пер. с англ. Ю. Казанцевой. М.: Страна Оз, 2017.

Stephenson S. (2017) *Zhizn po ponyatiyam. Ulichnye gruppировки v Rossii* [Gangs of Russia: From the Streets to the Corridors of Power]. Transl. from Eng. by Yu. Kazanceva. Moscow: Strana Oz.

С чего начинается Родина: молодежь в лабиринтах патриотизма / Под. ред. Е.Л. Омельченко, Х. Пилкингтон. У.: Ульяновский государственный университет, 2012.

Omelchenko E.L., Pilkington H. (eds.) (2012) *S chego nachinaetsya Rodina: molodezh v labirintah patriotizma* [Where the Motherland Begins: Young People in the Labyrinths of Patriotism]. Ulyanovsk: Ulyanovskij gosudarstvennyj universitet. (In Russ.)

Шанин Т. История поколений и поколенческая история России // Южно-российский журнал социальных наук. 2005. № 3. С. 6–25. EDN: [OLBGBQ](#)

Shanin T. (2005) History of Generations and Generation History in Russia. *Yuzhno-rossijskij zhurnal socialnyh nauk* [South-Russian Journal of Social Sciences]. No. 3. P. 6–25. (In Russ.)

Edmunds J., Turner B.S. (2002) *Generations, Culture and Society*. Buckingham: Open University Press.

Feuer L.S. (1969) *Conflict of Generations: The Character and Significance of Student Movements*. New York: Basic Books.

Henseler C. (ed.). (2013) *Generation X Goes Global: Mapping a Youth Culture in Motion*. New York: Routledge.

Jaeger H. (1985) Generations in History: Reflections on a Controversial Concept. *History and Theory*. Vol. 24. No. 3. P. 273–292. DOI: <https://doi.org/10.2307/2505170>

King J.K. (1972) The Generation Theory in German Literary Criticism. *German Life and Letters*. Vol. 25. No. 4. P. 334–343. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-0483.1972.tb00792.x>

Lesko N., Talburt S. (ed.) (2012) *Keywords in Youth Studies: Tracing Affects, Movements, Knowledges*. New York: Routledge.

Omelchenko E.L., Pilkington H. (2013) Regrounding Youth Cultural Theory (in Post-Socialist Youth Cultural Practice). *Sociology Compass*. Vol. 7. No. 3. P. 208–224. DOI: <https://doi.org/10.1111/soc4.12023>

Omelchenko E. (2013) Russian Youth from the 1990s Until 2010: Generational Changes. In: C. Hensler (ed.) *Generation X Goes Global*. New York: Routledge. P. 248–267. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203100219>

Pilcher J. (1994) Mannheim's Sociology of Generations: an Undervalued Legacy. *British Journal of Sociology*. Vol. 45. No. 3. P. 481–495. DOI: <https://doi.org/10.2307/591659>

Pilkington H. (2013) *Russia's Youth and Its Culture: a Nation's Constructors and Constructed*. London; New York: Routledge.

Pilkington H., Omelchenko E., Flynn M., Bliudina U., Starkova E. (2002) *Looking West: Cultural Globalization and Russian Youth Cultures*. University Park: Pennsylvania State University Press.

Roberts K. (2012) The End of the Long Baby-Boomer Generation. *Journal of Youth Studies*. Vol. 15. No. 4. P. 479–497. DOI: <https://doi.org/10.1080/13676261.2012.663900>

Ulrich J. M., Harris A. L. (ed.). (2003) *GenXegesis: Essays on Alternative Youth (Sub)Culture*. Madison: Popular Press, 2003.

Williams C., ChuproV V., Zubok J. (2003) *Youth, Risk and Russian Modernity*. London: Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315198552>

Yurchak A. (2006) *Everything Was Forever, Until It Was No More: the Last Soviet Generation*. Princeton: Princeton University Press.

Сведения об авторе:

Омельченко Елена Леонидовна — доктор социологических наук, директор Центра молодежных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** eomelchenko@hse.ru. **РИНЦ Author ID:** 74361; **ORCID:** 0000-0002-5951-3682; **ResearcherID:** K-5885-2015.

Статья поступила в редакцию: 12.04.2024

Принята к публикации: 05.06.2024

BAK: 5.4.4

Forgotten Generation X. A Retrospective Look from the Future¹⁶

DOI: 10.19181/inter.2024.16.2.1

Elena L. Omelchenko HSE University, St. Petersburg, Russia
E-mail: eomelchenko@hse.ru

The conversation about generations reduces to people whose youth coincides with the contemporary times, with a growing interest to the problems and demands of those young people who demonstrate visible differences from the previous ones and cause anxiety or hope in adults.

¹⁶ This article is an output of a research projects implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

Generation X is from the past, the youth of Russian Xs is from the late 20th, early 21st century, if we focus on the accepted generational chronology. The relevance of talking about Generation X can be associated with the gaining popularity of the discussion about the 90s, about heroes and anti-heroes of the time of changes, hopes and disappointments. For the last 10–15 years, the main characters of the generational drama have been millennials and zoomers, while media attention is turning to the alpha generation, following the marketing experts. Generation X, people who belong to this group by birth, are lost between boomers and millennial and are almost forgotten. Turning to the research and projects of that time will allow us to focus on the characteristics of the “twenty-something” youth. A look back in time from a distance of 30–40 years will help to see what may have fallen out of sight and to find traces of the cultural activity of those youth in the present. The article will focus on the peculiarities of X gen youth times, on the symbolic and real battles on the cultural youth scenes, on the acceptance and resistance to the discursive construction of youth identity in the political, media and academic fields. The article will use references to the research projects conducted in those years, as well as to the publications on their results.

Keywords: Russian youth; Generation X; cultural youth scenes and solidarities

Author Bio:

Elena L. Omelchenko — Doctor of Sociology, Director, Centre for Youth Studies, HSE University, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** eomelchenko@hse.ru. **RSCI Author ID:** [74361](#); **ORCID:** [0000-0002-5951-3682](#); **ResearcherID:** [K-5885-2015](#).

Received: 12.04.2024

Accepted: 05.06.2024